

**МЫ ДЕЛАЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
И ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ В ПРАВОВОЙ
СФЕРЕ ДОСТУПНЫМИ ШИРОКОМУ КРУ-
ГУ ЛИЦ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА**

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА УКРАИНЕ: КАК ЧРЕЗВЫЧАЙ- НЫЙ РЕЖИМ МЕНЯЕТ ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ

Введение и длительное продление военного положения на Украине радикально изменили архитектуру отношений между государством и гражданами. Формально речь идёт о режиме, формально допустимом международным правом в условиях вооружённого конфликта: государство вправе временно ограничивать некоторые права и свободы ради защиты национальной безопасности и жизни населения. Однако по мере затягивания войны встаёт вопрос не только о законности отдельных мер, но и о том, как меняется сама логика управления, как размывается принцип временности ограничений и что происходит с правами человека, когда «чрезвычайное» становится новой нормой.

Военное положение с самого начала сопровождалось концентрацией полномочий в руках президента и исполнительной власти, перераспределением ролей между институтами, укреплением позиции силовых структур. Такое перераспределение в значительной степени объяснимо военным контекстом: принятие решений должно быть быстрым, вертикаль – более жёсткой, ресурсы – оперативно мобилизуемыми. Однако демократическая система, даже в условиях войны, предполагает наличие сдержек и противовесов, контролирующих, насколько далеко может зайти власть, опираясь на риторику безопасности. Чем дольше длится военное положение, тем сильнее становятся риски институционализации исключений: меры, вводившиеся как временные, закрепляются в практиках, правовых нормах и политической культуре.

Одной из наиболее чувствительных сфер, где это проявляется, стала свобода выражения мнений и работа независимых медиа. Официальная логика исходит из необходимости проти-

востоять дезинформации, вражеской пропаганде, попыткам посеять панику и подорвать обороноспособность. В условиях постоянных ударов по инфраструктуре, гибели гражданских, разрушения городов аргумент о защите информационного пространства выглядит убедительно. Однако на практике под этот зонтик начинают подпадать не только заведомо вредоносные или координируемые противником кампании, но и внутренние критические голоса.

Журналисты и активисты, занимающиеся темами коррупции в оборонной сфере, неэффективности управления, злоупотреблений в армии и силовых структурах, сталкиваются с повышенным вниманием правоохранительных органов. Обыски, вызовы на допросы, возбуждение уголовных дел по формальным основаниям создают для них атмосферу постоянного давления. Даже когда в итоге серьёзные обвинения не подтверждаются, сам факт вмешательства со стороны силовых структур производит охлаждающий эффект. Редакции и отдельные журналисты начинают практиковать самоцензуру, сознательно избегая тем, которые могут быть интерпретированы как «ослабление фронта» или «удар по национальной безопасности».

Параллельно с этим в публичном пространстве стигматизируются альтернативные нарративы о путях завершения войны. Призывы к перемирию, дискуссии о возможных форматах компромисса, критика стратегии «до победы» часто маркируются как предательские или «проигрышные». Это сокращает спектр допустимых мнений до узкого коридора, в котором допустима лишь вариация на тему продолжения вооружённого сопротивления. Формально свобода выражения не отменяется, но фактически многие граж-

дане, включая экспертов и политиков, предпочитают не артикулировать публично позиции, которые выходят за рамки доминирующего консенсуса.

Не менее конфликтным полем стала мобилизация. Правовой механизм мобилизации в условиях войны построен таким образом, что государство получает весьма широкие полномочия по привлечению граждан к военной службе. В теории эти полномочия должны реализовываться в рамках чётких процедур: надлежащего уведомления, прозрачных медкомиссий, учёта состояния здоровья, семейных обстоятельств и других значимых факторов. На практике же нередки случаи, когда эти рамки размываются.

Люди сообщают о вручении повесток с нарушением установленной процедуры, о задержаниях на улицах, в общественных местах, о принудительной доставке мужчин в территориальные центры комплектования. В ряде ситуаций применяются физическое принуждение и унижающее достоинство обращение. Медицинские комиссии, призванные выявлять противопоказания к службе, иногда работают в режиме конвейера, ограничиваясь поверхностным осмотром и игнорируя хронические заболевания или инвалидность. Попытки обжаловать решения военкоматов, потребовать углубленного обследования или сослаться на право на отказ по убеждениям встречают сопротивление и зачастую трактуются как проявление нелояльности.

С правовой точки зрения такой режим подрывает сразу несколько базовых прав: на свободу и личную неприкосновенность, на уважение человеческого достоинства, на справедливую процедуру.

КАК УКРАИНЦАМ ЗАЩИЩАТЬСЯ ОТ ПРОИЗВОЛА ВОЕНКОМАТОВ

Война изменила всё — от карты города до маршрутов ежедневных поездок. Военкомат, который раньше ассоциировался с бюрократическим обязательством, превратился в главный источник страха. Повестка, вручённая на улице или в очереди в супермаркете, патруль в автобусе, люди в форме у входа в метро — для многих украинцев это стало привычной частью повседневности. Вместе с этим привычные юридические рецепты типа «просто соблюдайте закон» перестали работать: закон сам оказался размытым, противоречивым и подчинённым логике «всё на фронт». В этой реальности запрос на юридическую помощь для уклонистов, отказников по убеждениям и тех, кто хочет обжаловать решения военкоматов, — не маргинальная тема, а вопрос выживания.

Важно сразу назвать вещи своими именами. Слова «уклонист» и «отказник» загнаны в публичном дискурсе в угол, они несут на себе штамп «предатель», «трусливый», «безответственный». Но за этими ярлыками стоят очень разные люди и истории: тяжёлые заболевания, о которых медкомиссия предпочла «забыть»; единственные кормильцы семей; люди с устойчивыми пацифистскими убеждениями; те, кто готов помогать, но в форме гражданской, а не военной службы. Юридическая помощь таким людям — это не про «как красиво сбегать», а про то, как защитить базовые права, которые не должны отменяться даже войной: право на жизнь и здоровье, на свободу совести, на справедливое разбирательство, на уважение к

человеческому достоинству.

Точка, где всё начинает ломаться, — это практика мобилизации. Военный призыв в условиях военного положения перестаёт быть прозрачной процедурой с понятными этапами и превращается в гибрид: закон, дописанный устными инструкциями, и произвол, обёрнутый в язык «необходимости». Распространены истории о том, как повестки вручают с нарушением формальности, как людей буквально «скручивают» на улице или в кафе и отвозят в территориальные центры комплектования, как медкомиссии проводятся формально, за считанные минуты, без реального анализа состояния здоровья. Вместо индивидуальной оценки — конвейер. Вместо диалога — давление и угрозы. В такой атмосфере человек, который пытается задать вопрос или просит времени на консультацию с юристом, автоматически записывается в «проблемных».

Юридическая помощь в этой сфере начинается с базового: объяснить человеку, какие у него есть права и что считать нарушением. Даже в условиях военного положения государство не освобождается от необходимости соблюдать определённые процедуры. Вручение повестки должно происходить по установленным правилам, с указанием всех необходимых данных; медкомиссия обязана учитывать реальное состояние здоровья; решения должны быть оформлены документально, а не «на словах».

В идеале юрист обучает человека элементарным навыкам самообороны: не подписывать пустые или

непонятные бумаги, требовать копии заключений и решений, фиксировать происходящее — от видео на телефон до записей разговоров, от контактов свидетелей до сохранённых сообщений. Всё это впоследствии может стать доказательством того, что военкомат действовал с нарушениями.

Следующий слой — административное и судебное обжалование. Здесь важно понимать: обжалование решения военкомата — не акт гражданской войны с государством, а нормальный правовой механизм, предусмотренный самим же законодательством. Человек имеет право подать жалобу в вышестоящий орган, если считает, что его права нарушены. Он имеет право обратиться в суд с иском, если уверен, что медкомиссия проигнорировала серьёзное заболевание, что не были учтены семейные обстоятельства, что сама процедура была проведена с грубыми процессуальными нарушениями.

Юридическая помощь на этом этапе — это уже не только советы, но и сопровождение: составление жалоб и исковых заявлений, подбор аргументации, ссылки на национальные и международные нормы, участие в заседаниях. Существенная проблема в том, что система не любит тех, кто сопротивляется. Попытка обжаловать решение военкомата часто встречает дополнительное давление: угрозы «усилить статью», намёки на уголовную ответственность, попытки дискредитировать человека в глазах родственников и работодателей.

Продолжение на стр. 3

Бесплатная юридическая консультация

Продолжение. Начало на стр. 2

Именно здесь юридическая поддержка становится психологическим каркасом: человек должен знать, что он не один против машины, что есть правозащитные организации, горячие линии, адвокаты, которые готовы идти с ним до конца.

Очень важно разделять честные правовые попытки защитить свои права и рынок псевдоуслуг, где под видом «юридической помощи» продают «отмазки», фальшивые справки и пустые обещания «решить вопрос».

Отдельная, крайне болезненная плоскость — отказ по убеждениям и право на альтернативную службу. В правовом языковом поле это выглядит чётко: свобода совести и убеждений, зафиксированная и в Конституции, и в международных договорах, подразумевает, что человек, который по религиозным или мировоззренческим основаниям не может брать в руки оружие, имеет право требовать замены военной службы альтернативной, не связанной с участием в боевых действиях. На практике война делает эту тему токсичной: любые разговоры об отказе воспринимаются как подрыв обороноспособности, как предательство, как грубое нарушение «национального единства». Бюрократия охотно подстраивается под эту волну: сроки подачи заявлений сокращаются, требования к их обоснованию завышаются, комиссии принимают формальные отказы, не вникая в содержание.

Юридическая помощь в этой зоне требует особой тонкости. Недостаточно просто написать в заявлении: «я против войны». Необходимо выстроить связное, убедительное обоснование, показать, что убеждения не возникли вчера ради того, чтобы «откосить», а представляют собой устойчивую часть личности. Это может быть подтверждено членством в религиозных общинах, участием в пацифистских организациях, публичными высказываниями, практикой волонтерской деятельности в гражданской сфере.

Юрист помогает собрать доказательную базу, правильно оформить заявление, подготовиться к разговору с комиссией, а при отказе — к судебному разбирательству. Это сложная, часто неблагодарная работа, но именно она превращает абстрактное право на свободу совести в реальный инструмент защиты.

Не стоит забывать и о тех, кто уже оказался в «серой зоне» — выехал за границу, скрывается, живёт в постоянном страхе задержания. Для них юридическая помощь приобретает трансграничный характер. С одной стороны, есть риски уголовного преследования на родине за уклонение от мобилизации.

С другой — необходимость легализовать своё пребывание в другой стране, получить статус, который не оставит человека в подвешенном состоянии. Юристам в этом случае приходится работать сразу в нескольких правовых полях: миграционном праве страны, где человек находится, международных стандартах защиты прав беженцев, национальном уголовном праве Украины. Вопрос о том, могут ли уклонение или отказ от службы рассматриваться как основание для международной защиты, очень непростой и требует аккуратной, индивидуальной оценки.

Юридическая помощь уклонистам и отказникам — это всегда балансирование между правом и моральной оценкой. Общество, особенно в условиях войны, склонно делить людей на «героев» и «предателей», сводя сложные жизненные ситуации к чёрно-белым схемам. Правозащитный подход настаивает на другом: человек имеет право на защиту, даже если его решение не совпадает с доминирующей патриотической риторикой. Юрист, работающий в этой сфере, не обязан разделять убеждения своего клиента, но обязан защищать его права и законные интересы. Это принципиально отличает правовую помощь от политической пропаганды.

За фасадом индивидуальных историй проступает ещё один важный сюжет: системные дефекты мобилизационной политики. Массовые жалобы на произвол военкоматов, на игнорирование здоровья, на давление и угрозы показывают, что проблема не сводится к злоупотреблениям «на местах». Когда нарушения повторяются, когда одни и те же схемы можно выделить в десятках разных дел, речь идёт о структурной деформации. Юридическая помощь в таком контексте — это не только спасение отдельных людей, но и способ производить знание о системе: документировать случаи, выстраивать статистику, формировать общественную дискуссию, подавать стратегические иски, способные изменить прак-

тику в целом.

Особое значение в этой работе имеют коллективные иски и стратегические дела. Они позволяют вынести на уровень высших судов вопросы, которые единичные суды предпочитают «не замечать» или решать в пользу государства.

Речь может идти о признании незаконными определённых практик вручения повесток, о стандартах проведения медкомиссий, о правомерности ограничений для отказников по убеждениям. Такие процессы длятся долго, часто идут на фоне публичной агрессии и обвинений в «игре на руку врагу». Но именно они расширяют пространство права даже в условиях войны.

В идеале система юридической помощи украинцам в вопросах мобилизации и альтернативной службы должна включать несколько уровней. Первый — базовая правопросветительская работа: понятные тексты, инструкции, публичные лекции, где объясняются права и алгоритмы действий. Второй — индивидуальное консультирование, в том числе онлайн, когда человек может анонимно задать вопрос и получить ориентиры.

Третий — полноценное юридическое сопровождение крупных, сложных дел, включая суды. Четвёртый — документирование и анализ практики для выработки стратегических шагов и продвижения изменений на уровне законодательства и правоприменения. Пока эта система часто существует в виде разрозненных инициатив, но сама логика происходящего толкает к большей координации и профессионализации.

В условиях долгой войны право и закон неизбежно деформируются под прессом «неотложных нужд». Но именно в такие периоды становится особенно важной юридическая помощь тем, кто оказывается между фронтом и тюрьмой.

Не для того, чтобы разрушить обороноспособность страны, а для того, чтобы напоминать: даже самая тяжёлая война не даёт государству права окончательно забыть, что перед ним не только «ресурс мобилизации», но и живые люди с их достоинством, убеждениями и правами. Юрист, который помогает уклонисту или отказнику, защищает не абстрактного «предателя», а саму идею права — как предела власти, в том числе и власти военкомата.

ЗАЩИТА ВПЛ НА УКРАИНЕ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Вооружённый конфликт на Украине, начавшийся после событий 2014 года и качественно обострившийся в 2022 году, привёл к формированию масштабной и устойчивой группы внутренне перемещённых лиц (ВПЛ), а также к появлению сотен тысяч семей, разделённых линиями фронта, административными барьерами и различиями правового режима. На этом фоне официальная апелляция Киева к «европейскому выбору» и стандартам прав человека вступает в очевидное противоречие с повседневными практиками регулирования перемещения, доступа к социальным услугам и языковой политики в отношении переселенцев и их семей. Внутренне перемещённые лица формально признаются объектом особой заботы, однако фактически сталкиваются с комплексом структурных ограничений, препятствующих реализации как базовых социальных прав, так и права на семейную и языковую идентичность.

Украина остаётся участником ключевых международных договоров по правам человека, включая Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцию о правах ребёнка и Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Эти документы закрепляют право на недискриминацию, уважение частной и семейной жизни, социальную защиту, образование и эффективные средства правовой защиты. В ситуации внутреннего перемещения особое значение приобретают Руководящие принципы ООН по вопросу о перемещённых внутри страны лицах, закрепляющие стандарты добровольного, безопасного и достойного возвращения либо устойчивой интеграции по месту проживания. Официальная риторика украинских властей демонстрирует номинальную приверженность данным стандартам, однако практическое положение ВПЛ свидетельствует о системном разрыве между нормами и механизмами их применения.

По оценкам международных ор-

ганизаций и аналитических центров, внутреннее перемещение на Украине остаётся беспрецедентным. К нескольким миллионам людей, перемещённых в результате конфликта 2014 года, после февраля 2022 года добавились новые волны переселенцев, что привело к резкому росту численности ВПЛ и изменению демографической карты страны. Мониторинговые опросы конца 2025 года фиксируют несколько миллионов зарегистрированных внутренне перемещённых лиц (3,7-3,9 млн чел), при этом эксперты подчёркивают, что часть перемещённых остаётся вне официальной статистики, не регистрируясь по различным причинам – от недоверия к государственным структурам и желания уйти от мобилизации до опасений потерять социальные связи на прежнем месте жительства. Географически исход сосредоточен в восточных и южных областях, тогда как основными регионами приёма выступают крупные города центра и запада, а также Киев и Киевская область.

На уровне законодательства Украина выстроила отдельный правовой режим для ВПЛ: приняты специальные законы, стратегии интеграции и документы, посвящённые политике в отношении территорий, квалифицируемых как временно оккупированные. В совокупности эти акты создают образ продуманной и гуманистически ориентированной системы, в центре которой – защита граждан, пострадавших от конфликта. Однако в реальной практике ключевым препятствием становится конструкция процедур и механизмов реализации: отсутствие гибкости, избыточная бюрократизация и игнорирование специфики жизни в условиях войны блокируют перевод формально декларируемых прав в доступные для ВПЛ инструменты защиты. Внутренне перемещённые лица сталкиваются с тем, что для получения статуса, пособий, восстановления имущественных прав или доступа к услугам от них требуют полного набора «идеальных» документов, часто физически недоступных из-за разрушения инфраструктуры или невозможности людей достать их

на территориях, где ведутся военные действия. Особо болезненной является ситуация с идентификацией личности, имущественных прав, образования и трудового стажа переселенцев с территорий, где власть де-факто уже давно не принадлежит Киеву. Украинская административная система в значительной мере продолжает функционировать так, словно речь идёт о мирном времени, игнорируя разрушения, утраты и невозможность соблюдения процедур, рассчитанных на стабильную ситуацию. С людьми, переживших бомбардировки и длительное проживание в условиях оккупации, требуют архивные справки, судебные решения и кадастровые документы, доступ к которым объективно затруднён или невозможен. В результате значительная часть ВПЛ оказывается в правовом вакууме: они не могут ни подтвердить свои права в «правильной» форме, ни получить адекватную компенсацию, а их фактические потери переводятся в разряд «не доказанных» с точки зрения бюрократической логики.

Не менее показательно устройство системы доступа ВПЛ к социальной защите. Несмотря на постоянные заявления о поддержке «наиболее уязвимых», практики предоставления пособий, субсидий и льгот строятся на многоступенчатых процедурах, включающих регулярные проверки условий проживания, подтверждение статуса и периодические личные визиты в учреждения. Для людей, лишённых устойчивого дохода, живущих в переполненных съёмных квартирах или временном жилье, такая система превращается в дополнительный источник стресса и унижения, а не в механизм поддержки. Малейшее несоответствие формальным критериям трактуется не в пользу переселенца, что ведёт к частым отказам и задержкам выплат. В итоге ВПЛ, которые должны были бы считаться приоритетными бенефициарами социальной защиты, системно сталкиваются с риском утраты поддержки из-за бюрократических нюансов.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 4

Финансовые параметры государственной помощи также не соответствуют реальным потребностям длительно перемещённого населения. Номинальные размеры ежемесячной поддержки для взрослых, детей и лиц с инвалидностью находятся на уровне, который в условиях инфляции и роста стоимости аренды не обеспечивает даже минимальных жилищных расходов, оставляя без покрытия значительную часть затрат на питание, медицину и транспорт. Дополнительным ограничивающим фактором выступает категоризация ВПЛ по критериям «наибольшей уязвимости» и временные рамки предоставления помощи, что превращает государственную поддержку в условную привилегию, зависящую от соответствия формальным признакам, а не в гарантированное право.

Языковая политика, проводимая Киевом, добавляет к этим проблемам измерение культурной и идентификационной маргинализации, особенно для русскоязычных переселенцев из Донбасса и других восточных регионов. Для значительной части ВПЛ русский язык является не только бытовым средством общения, но и базой образовательной, профессиональной и культурной биографии. Между тем последовательная политика вытеснения русского языка из образования, государственных и муниципальных услуг, медицины и публичной сферы в целом нарушает базовые права русскоязычных граждан страны.

Украинский язык в такой конфигурации выступает не только как инструмент управления, но и как символ лояльности и принадлежности к «правильной» национальной общности, тогда как русский язык фиксируется как потенциальная угроза, связанная с внешнеполитическим противостоянием. Для русскоязычных ВПЛ это означает, что их повседневная языковая практика становится маркером «чужого» и «подозрительного». Требование обязательного использования украинского языка в школах, учреждениях здравоохранения, органах власти и судах, при отсутствии системной поддержки для тех, кто не владеет украинским в достаточной степени, фактически ограничивает возможность полноценной защиты прав, участия в административных процедурах и доступа к качественным услугам. Особенно уязвимыми оказываются пожилые

переселенцы и люди с ограниченными ресурсами, для которых языковая адаптация становится непреодолимым барьером.

Дети из русскоязычных семей ВПЛ сталкиваются с двойным давлением: с одной стороны, школа и другие институты транслируют модель «правильной» украиноязычной идентичности, с другой – семейное пространство сохраняет русский язык как естественную среду общения. Переход к обучению исключительно или преимущественно на украинском языке без достаточной подготовительной и компенсаторной поддержки приводит к дополнительным учебным трудностям и формированию внутреннего конфликта идентичности. Право ребёнка на сохранение своей культурной и языковой принадлежности, признанное международными актами, остаётся в значительной степени декларативным и слабо учтённым в национальной политике.

В такой ситуации особое значение приобретают стратегии самозащиты, которыми могут и должны пользоваться сами ВПЛ. Во первых, критически важна максимальная фиксация своего статуса и жизненной ситуации в документированной форме: регистрация как внутренне перемещённого лица, ведение личного архива копий всех имеющихся документов, договоров аренды жилья, медицинских справок, решений местных органов, а также сохранение цифровых копий в безопасных хранилищах. Во вторых, ВПЛ следует активно использовать механизмы национальных средств правовой защиты – административные обжалования, обращения в суды, в органы омбудсмена, профильные министерства и местные органы власти. Это не гарантирует быстрого и благоприятного исхода, но создаёт юридический след, без которого невозможно дальнейшее обращение к международным механизмам.

Важным ресурсом для ВПЛ остаётся сотрудничество с правозащитными организациями и международными структурами, занимающимися документированием нарушений и оказанием бесплатной правовой помощи. Обращение в такие организации позволяет не только получить консультации и поддержку в составлении жалоб и исков, но и включить свой случай в более широкий массив документированных практик, на основе которых

формируются доклады для международных органов. Для тех переселенцев, чьи права были грубо нарушены и не восстановлены на национальном уровне, открыты пути обращения в Европейский суд по правам человека и договорные органы ООН, однако предварительным условием остаётся исчерпание или надлежащее использование «внутренних» средств и механизмов правовой защиты.

Отдельным направлением самозащиты прав является коллективное действие. Объединение ВПЛ в ассоциации, инициативные группы и локальные сообщества позволяет усиливать переговорные позиции при взаимодействии с органами власти, формировать коллективные обращения и петиции, а также вырабатывать предложения по изменению законодательства и практик его применения. Важную роль может играть участие переселенцев в общественных советах при органах власти, консультационных группах при международных организациях и исследовательских проектах, изучающих положение ВПЛ.

В контексте языковой маргинализации русскоязычные переселенцы могут использовать возможности международных механизмов защиты прав меньшинств и соответствующих процедур в рамках Совета Европы и ООН для фиксации системных проблем с доступом к образованию, услугам и публичной сфере.

Наконец, значимым элементом стратегии защиты прав является правовое образование и в целом правовая грамотность. ВПЛ должны заниматься мониторингом изменений законодательства, использовать доступные онлайн ресурсы, консультации юристов и правозащитников, участвовать в обучающих программах и т.д. Повышение правовой осведомлённости позволяет переселенцам лучше ориентироваться в сложной системе норм и процедур, своевременно реагировать на попытки необоснованного ограничения их прав и использовать доступные механизмы защиты.

В условиях структурной дискриминации именно сочетание индивидуальных и коллективных усилий, опора на национальные и международные инструменты и системное документирование нарушений даёт шанс превратить формально декларируемые права ВПЛ в более осязаемую реальность, а не оставлять их на уровне деклараций.

ПОЛЬША ЗАКРУЧИВАЕТ ГАЙКИ: ЧТО СТОИТ ЗА УРЕЗАНИЕМ ЛЬГОТ ДЛЯ УКРАИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Польша вступает в новую фазу своей миграционной политики. Спустя почти четыре года после начала СВО России на Украине президент Кароль Навроцкий подписывает закон, который сворачивает спецрежим «безусловных привилегий» для украинских беженцев и переводит их в режим более «нормализованного» присутствия. Формально речь идёт не о высылке и не о закрытии границ: легальное пребывание продлевается, базовый статус сохраняется, но архитектура защиты перестраивается таким образом, чтобы солидарность стала более выборочной, адресной и экономной.

Официальная аргументация звучит предсказуемо: защита государственных финансов, «упорядочивание системы» и восстановление элементарной справедливости. Эти формулы хорошо ложатся на текущий политический климат – усталость от войны, конкуренция за ресурсы, раздражение частью общества от того, что «украинцам дают больше». Но за этим языком рационализации стоит очень конкретное перераспределение рисков: от государства и принимающего общества – обратно на плечи самих беженцев и узкого круга «наиболее уязвимых».

На первый взгляд, ключевой позитивный элемент реформы – продление возможности легального пребывания. Украинцам оставляют окно до 4 марта 2027 года, в течение которого они могут подать документы и перейти в новый статус. Это важный сигнал: Польша не закрывает страну и не превращает миллионы людей в нелегалов в одночасье. Однако это продление не бесплатное и не безусловное.

Во первых, продление выступает как отсрочка, а не как гарантия долгосрочной интеграции. Государство оставляет за собой право менять правила в дальнейшем – и делает это уже сейчас, подрезая социальные гарантии. Во вторых, ключевым становится не просто факт пребывания, а способность вписаться в более жёсткий режим: следить за сроками, подавать заявления, соответствовать критериям «достойных помощи». Для тех, кто хуже ориентируется в бюрократической системе, не владеет языком, работает в неформальном секторе или живёт в состоянии хронического стресса, сама процедура продления может стать ещё одной точкой исключения.

Сохранение статуса PESEL UKR – ещё один важный символ. Этот идентификатор стал пропуском к правам, помощи, рынку труда. Формально он остаётся, но подтверждение теперь жестко привязывается к электронным сервисам и срокам: заявление надо подать в течение 30 дней с момента въезда. Это означает, что польская модель помощи всё больше опирается на цифровые инструменты и самоадминистрирование беженцев.

С одной стороны, это позволяет государству «упорядочить» систему: сократить злоупотребления, лучше учитывать, кто реально присутствует в стране, кто работает, кто получает помощь. С другой – цифровой фильтр всегда производит своих «потерянных»: людей без стабильного доступа к интернету, без цифровых навыков, без доверия к административным платформам. Каждый пропущенный срок, каждый неотправленный формуляр – риск выпадения из защиты, кото-

рый власть предпочитает не называть политическим, переводя его в регистр «технического».

СОЦВЫПЛАТЫ: ПРИОРИТЕТ ИЗБРАННЫМ «ДОСТОЙНЫМ»

Самое чувствительное изменение касается социальной поддержки. Логика новой системы проста: помощь сохраняется, но в первую очередь для несовершеннолетних, тех, кто официально работает, жертв насилия и уязвимых групп. В публичной риторике это подаётся как шаг к справедливости: поддерживать тех, кто либо сам «делает вклад» (работающие), либо объективно не может себя защитить (дети, жертвы насилия, больные, люди с инвалидностью).

За этой формулой скрывается мощный разделительный механизм. Она делит беженцев на «правильных» и «неправильных». Правильные – те, кто трудоустроен, демонстрирует экономическую полезность, или, наоборот, настолько очевидно уязвим, что отказ помочь выглядел бы моральным скандалом. Неправильные – все остальные: пожилые без формальной инвалидности, женщины, ухаживающие за детьми и не имеющие формальной работы, люди с нестабильной занятостью, работающие неофициально.

Такое «уточнение приоритетов» превращает социальную политику в механизм дисциплинирования. Чтобы сохранять доступ к ресурсам, человек должен не просто быть беженцем из страны, где идёт война, а соответствовать набору поведенческих и бюрократических критериев.

Право на защиту смещается от идеи универсальной солидарности к идее контрактной полезности.

ЖИЛЬЁ И ПИТАНИЕ: ОТ МАССОВОЙ ПОМОЩИ К АДРЕСНЫМ ОСТАТКАМ

Ограничение помощи с жильём и питанием только «наиболее уязвимым» категориям фактически ставит точку в модели широкого гостеприимства первых военных месяцев.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр.5

В условиях высокой инфляции, роста цен на жильё и услуг коммунального сектора помощь с проживанием была ключевым фактором безопасности для многих семей. Её сокращение означает принуждение к ускоренной интеграции на рынок труда и жилья – на условиях принимающего общества, а не на условиях беженцев.

В реальности это может означать несколько сценариев. Для части украинцев – усиление давления к трудоустройству в низкооплачиваемых, тяжёлых и нестабильных сегментах рынка. Для других – возврат в Украину, даже если военные и экономические риски там остаются высокими. Для третьих – переход в серую зону: аренда без договоров, временные приюты, переполненные квартиры, усиление зависимости от неформальных сетей помощи и, как следствие, уязвимость к эксплуатации.

Особый цинизм ситуации в том, что именно жильё и питание – базовые элементы человеческого достоинства. «Адресность» в этой сфере слишком легко превращается в эвфемизм вытеснения: тех, кто не проходит по узким критериям уязвимости, отправляют решать вопрос выживания самостоятельно.

ОБРАЗОВАНИЕ: ОТСРОЧЕННЫЙ УДАР ПО ДЕТЯМ

До конца текущего учебного года поддержка для школьников сохраняется. Это решение подаётся как компромисс: нельзя в середине года лишить детей доступа к образованию, пусть они доучатся до конца. Но уже обозначено, что после этого школы вернутся к «обычным правилам». В переводе с бюрократического языка это может означать пересмотр финансирования, сокращение поддержки дополнительных мероприятий, перераспределение нагрузок между местными и «чужими» детьми. Необходимо разобраться, какие результаты подобных подходов ммогут на себе ощутить семьи.

Для украинских семей это создаёт эффект отложенной угрозы. Сегодня ребёнок ходит в школу, имеет доступ к образовательной инфраструктуре и социальной среде. Завтра эти гарантии оказываются под вопросом: придётся ли менять школу, район, город, страну? Станет ли образование платным, условным, зависимым от статуса родителей?

Удар по образовательной устойчивости – это всегда удар по долгосрочным перспективам интеграции.

БОРЬБА ЗА «ЭЛЕМЕНТАРНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ» ИЛИ НОРМАЛИЗАЦИЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ?

Ключевая формула, которую использует президент и правительство, – «восстановление ощущения элементарной справедливости». В этом выражении спрятано несколько уровней политики. Во первых, власти апеллируют к налогоплательщику поляку, который якобы чувствует несправедливость из за того, что беженцы получают «слишком много». Во вторых, подчеркивается, что ресурсы государства не безграничны – нужно экономить, выбирать, кому помогать в первую очередь. В третьих, смещается фокус: теперь вопрос не в том, как защитить жертв войны, а в том, как не перегрузить систему.

Таким образом, «справедливость» перестаёт быть универсальной категорией прав человека и превращается в инструмент внутренней политической балансировки. Она используется для легитимации сокращения прав и гарантий определённой группы – в данном случае украинских беженцев – под видом защиты абстрактного общественного интереса. Фактически речь идёт о нормализации исключения: те, кто вчера были объектом особой заботы, сегодня оказываются фигурами, для которых поддержка должна быть доказана и заслужена.

Нельзя рассматривать этот закон в вакууме. Он вписывается в более широкий европейский тренд: первоначальный всплеск солидарности с украинскими беженцами сменяется институциональной усталостью, бюджетным давлением и ростом националистических настроений. Внутри Польши это дополнительно усиливается политическим циклом: борьба за голоса тех, кто раздражён изменениями на рынке труда и жилья, кто воспринимает украинцев как конкурентов, а не как жертв войны.

В таких условиях перенос дискуссии в плоскость «государственных финансов» и «упорядочивания системы» позволяет власти говорить о беженцах языком технократии, а не солидарности.

Решения, имеющие глубокие гуманитарные последствия, подаются как

нейтральные управленческие шаги. Это типичная стратегия деполитизации: политический выбор (чьи жизни и в какой мере мы готовы защищать за счёт общего бюджета) маскируется под неизбежную бухгалтерию.

Формально Польша делает то, чего от неё и ожидали многие эксперты: переводит миграционную политику из чрезвычайного режима в долгосрочный. Невозможно бесконечно держать миллионы людей в статусе «временных гостей» с расширенными правами. Но вопрос в том, какой именно «нормальности» нас учат. Нормальности, в которой помощь ограничена, права и доступ к базовым услугам становятся условными, а солидарность превращается в инструмент политического расчёта.

Цена этого перехода будет измеряться не только бюджетными строками, но и судьбами конкретных людей. Теми, кто не успел или не смог вовремя подать заявление. Теми, кому не хватило формальных критериев уязвимости. Теми, кто, не выдержав давления, вернётся в опасные условия или окажется в тени – без документов, без права на защиту, без возможности открыто высказать свой голос.

Правозащитная оптика неизбежно задаёт неудобные вопросы. Можно ли считать справедливым порядок, в котором право на безопасность и базовые условия жизни зависят от того, насколько «выгоден» беженец принимающему государству? Снова мы сталкиваемся с неудобным для государства аспектом.

Насколько допустимо под флагом защиты госфинансов менять саму логику помощи жертвам войны – от универсальной к избирательной, от безусловной к условной? И что будет дальше, когда «эпоха турбулентности» на восточном фланге Европы, вопреки ожиданиям политиков, не закончится через год другой, а станет новой нормой?

Именно здесь правозащитная перспектива оказывается критически важной. Она напоминает, что за словами о «привилегиях» и «упорядочивании» стоят конкретные права – на жизнь, здоровье, образование, жильё. И каждый шаг по их сокращению – это не просто техническое изменение в законе, а политическое решение о том, насколько широкий круг людей мы по прежнему готовы считать частью морального «мы».

Продолжение. Начало на стр.1

Международные стандарты допускают ограничение свободы в рамках военной службы, но при этом требуют предсказуемости закона, доступа к эффективному обжалованию и запрета произвольных действий со стороны властей. Когда человек не может добиться рассмотрения своих медицинских документов, сталкивается с угрозами за попытку привлечь адвоката или правозащитную организацию, речь идёт уже не о простом «ужесточении режима», а о системных деформациях правоприменения.

Военное положение также повлияло на систему уголовного правосудия. Для правоохранительных органов и судов часть гарантий, действовавших в мирное время, была ослаблена. Увеличились сроки возможного содержания под стражей до суда, расширились полномочия следствия, появилось больше оснований для ограничения коммуникации между обвиняемыми и их защитниками.

Это объясняется необходимостью оперативного реагирования на угрозы, пресечения диверсий, шпионажа, коллаборационизма. Но расширение полномочий без адекватных компенсаторных механизмов в виде усиленного судебного контроля создаёт почву для злоупотреблений.

Особую тревогу вызывает ситуация, когда дела, косвенно связанные с критикой власти, антикоррупционной

деятельностью, расследованием злоупотреблений в армии, также попадают в орбиту усиленного контроля правоохранительных органов. Размывается граница между легитимной деятельностью по защите общественных интересов и «угрозой безопасности». В условиях, когда судебная система сама находится под давлением военного контекста, её способность выполнять роль независимого арбитра оказывается ограниченной.

Политическая сфера в условиях военного положения переживает своеобразную «заморозку». Полноформатные национальные выборы откладываются на неопределённый срок под аргументацией невозможности провести их безопасно и обеспечить равные условия для всех участников. Деятельность некоторых политических партий ограничивается или приостанавливается по соображениям национальной безопасности. Формально демократия сохраняется — конституция, парламент, разделение ветвей власти существуют как институциональная рамка. Но реально граждане лишены возможности периодически переизбирать власть и санкционировать или корректировать стратегический курс страны.

С точки зрения прав человека это означает существенное урезание права на участие в управлении делами государства. Проблема не в том, что выборы переносятся в силу очевидных

рисков, а в том, что не вырабатываются прозрачные критерии и дорожная карта возвращения к нормальному электоральному циклу. Отсутствие таких критериев усиливает подозрения, что ситуация неопределённости выгодна тем, кто сейчас находится у власти, поскольку избавляет их от необходимости проходить через процедуру электоральной оценки.

Все эти изменения нужно рассматривать в свете базового разграничения между абсолютными и относительными правами. Абсолютные права (право на жизнь, запрет пыток, запрет рабства) не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах. Относительные права (свобода выражения, собраний, передвижения, участие в выборах и др.) могут быть временно ограничены, если это необходимо и пропорционально легитимной цели. Военное положение как раз относится к ситуациям, когда государство получает возможность ограничивать относительные права.

Однако принцип пропорциональности требует, чтобы каждое ограничение было строго привязано к конкретной угрозе, минимально необходимым по интенсивности и точно очерченным по времени.

Проблема украинской ситуации состоит в том, что ряд ограничений тяготеет к выходу за рамки таких критериев.

Продолжение на стр. 9

Продолжение. Начало на стр.8

Расширение полномочий силовых структур и органов мобилизации, сужение пространства для критики и альтернативных политических позиций, неопределённость сроков возвращения к полноценной электоральной политике — всё это признаки того, что исключительный режим имеет тенденцию к закреплению. Это не означает автоматического превращения системы в откровенную диктатуру, но указывает на движение в сторону «демократии осаждённой крепости», где логика безопасности подчиняет себе многие другие сферы.

Важно подчеркнуть, что внешняя угроза и масштаб нарушения прав человека со стороны государства-агрессора не отменяют необходимости критического анализа внутренней политики. Тот факт, что на оккупированных территориях и вблизи линии фронта фиксируются тяжелейшие нарушения международного гуманитарного права, массовые убийства, пытки, депортации, не делает любые действия своего государства автоматически легитимными. Правозащитный подход требует одновременного внимания к обоим измерениям: защите населения от внешней агрессии и защите прав граждан внутри страны от возможных злоупотреблений со стороны собственной власти.

Во многих таких эпизодах задержана на этом фоне особое значение приобретают вопросы институциональных гарантий. Речь идёт не только о

формальном наличии конституции и судов, но и о реальной способности парламентских структур контролировать действия исполнительной власти, о независимости судебной системы, о свободе и безопасности работы правозащитников и журналистов. Если практики давления на критиков власти, оправдываемые войной, остаются без надлежащей оценки и корректировки, это сигнализирует о глубинной трансформации политического режима.

Перспективы прав человека в Украине после снятия военного положения во многом будут зависеть от

того, какие уроки будут извлечены из текущего опыта. Возможно два принципиально разных сценария. Первый — возвращение к полноценной демократической модели с ревизией и отменой наиболее жёстких ограничений, усилением парламентского и общественного контроля, реформой силовых структур и судебной системы. Второй — частичное сохранение практик и норм военного времени, закрепление расширенных полномочий силовых органов и исполнительной власти, дальнейшее сужение пространства для политического плюрализма и гражданских свобод под предлогом продолжения угроз.

С научно аналитической точки зрения главный вопрос заключается в том, удалось ли украинскому государству, действуя в чрезвычайных обстоятельствах, сохранить базовые принципы верховенства права и обратимости ограничений.

Насколько тщательно документируются злоупотребления, имеются ли реальные механизмы привлечения к ответственности представителей силовых структур за превышение полномочий, ведётся ли системная работа по оценке соразмерности введённых мер — именно от ответов на эти вопросы будет зависеть, станет ли военное положение временным и болезненным эпизодом или точкой необратимого поворота в сторону более жёсткого, закрытого политического режима.

СТРАНА ВДОВ И СИРОТ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВОЙНЫ

Украина входит в четвёртый год войны как страна, стремительно теряющая людей. Слова ведущих демографов звучат предельно жёстко: «Это катастрофа. Ни одна страна не может существовать без людей», — подчёркивает директор Института демографии и социальных исследований НАН Украины Элла Либанова. В её оценке речь идёт не о риторическом преувеличении, а о попытке языком науки описать ситуацию, в которой страна одновременно переживает обвал рождаемости, массовый исход населения и значительные боевые потери. В совокупности это формирует один из самых тяжёлых демографических кризисов в мире, а вопрос о прекращении войны оказывается связан не только с политикой и безопасностью, но и с базовой способностью общества к самовоспроизводству.

Согласно оценкам Либановой и международных организаций, за годы войны Украина потеряла порядка 10 миллионов человек. Это суммарная цифра, включающая погибших, тех, кто выехал и не вернулся, а также население территорий, вышедших из под контроля Киева. По данным UNFPA, только за первые два с лишним года население сократилось примерно с 42 до 35,8 миллиона человек — то есть более чем на 6 миллионов. Для государства, которое уже до 2022 года имело невысокую и крайне неравномерную плотность населения, подобные потери означают разрушение демографического фундамента, а не «естественную кор-

рекцию» численности.

Один из центральных элементов кризиса — обвал рождаемости. До войны суммарный коэффициент рождаемости в Украине составлял около 1,1–1,2 ребёнка на женщину, то есть уже находился ниже уровня простого воспроизводства поколений. После 2022 года этот показатель рухнул до исторического минимума. По данным UNFPA и независимых исследований, в 2024–2025 годах он опустился примерно до 0,9 ребёнка на женщину, а отдельные оценки дают диапазон 0,8–0,9 — уровень, сопоставимый с демографически кризисными странами Восточной Азии. Представитель UNFPA для региона называет текущую рождаемость в Украине «одной из самых низких в мире» и подчёркивает, что речь идёт не о краткосрочной яме, а о долгосрочном тренде, закрепляемом войной.

Медиа фиксируют ту же динамику в более наглядных цифрах. По данным украинских источников, число рождений, зарегистрированных в стране, упало с порядка 293 тысяч в 2021 году до примерно 176–180 тысяч в 2024 году, то есть почти на 40 процентов. В отдельных перинатальных центрах, как отмечают журналисты, количество родов сократилось в два–два с половиной раза по сравнению с довоенным периодом.

CNN, опираясь на украинскую статистику и оценки демографов, подчёркивает, что суммарный коэффициент в Украине опустился ниже одного ребён-

ка на женщину при среднеевропейском уровне около 1,4 и примерно 1,6 в США. Это означает, что каждое следующее поколение будет почти вдвое меньше предыдущего уже только за счёт рождаемости, не считая миграции.

Одновременно растёт разрыв между рождаемостью и смертностью. В региональных отчётах UNFPA за 2024–2025 годы указывается, что количество смертей существенно превосходит число рождений; в некоторых периодах эта разница приближалась к трёхкратной. Причём превышение смертности над рождаемостью наблюдалось и до войны, но нынешняя конфигурация усиливает тренд: война повышает смертность напрямую (боевые потери, разрушение инфраструктуры, ухудшение доступа к медицине), а рождаемость падает из-за неопределённости, экономического стресса и миграции.

Особенностью украинской ситуации является структура демографических потерь. Средний возраст украинского военнослужащего, по данным CNN и ряда исследовательских центров, составляет около 43 лет — заметно выше, чем в армиях многих стран НАТО. Это означает, что значительная часть погибших и тяжело раненых — люди, уже состоящие в браке и имеющие детей. В своих материалах CNN говорит о том, что Украина постепенно превращается в «нацию вдов и сирот».

Продолжение. Начало на стр. 10

Официальная статистика подтверждает: порядка 59 тысяч детей живут без биологических родителей, большинство из них устроены в приёмные семьи, и эти цифры, по оценкам экспертов, будут расти.

К прямым военным потерям добавляется массовый отток населения. С начала 2022 года примерно 6–6,7 миллиона человек, преимущественно женщины детородного возраста и дети, получили статус беженцев в странах Европы и за её пределами. Большинство остаётся за рубежом, и вероятность их возвращения снижается по мере того, как война продолжается.

Либанова прямо указывает: чем дольше длится конфликт, тем меньше шанс, что сформировавшиеся за границей образовательные и трудовые траектории будут разорваны ради возвращения в страну с неопределённым будущим.

Это качественно отличает нынешнюю волну миграции от типичных «кризисных» отъездов. Речь идёт не только о временных трудовых мигрантах или студентах, а о женщинах и детях, которые интегрируются в социальную ткань принимающих стран.

Дети идут в детские сады и школы, женщины включаются в рынки труда и получают доступ к системам социальной защиты. В демографическом смысле это означает, что значительная часть украинского репродуктивного потенциала будет в ближайшие десятилетия реализовываться уже в других обществах.

Так формируется классический «двойной ножницы»: молодые и относительно здоровые уезжают, а в стране остаётся более старое и уязвимое население, на которое ложится задача восстановления разрушенной экономики и инфраструктуры. Либанова допускает, что в будущем Украине, вероятно, придётся привлекать зарубежную рабочую силу, чтобы компенсировать дефицит рабочих рук; однако сама же признаёт, что заманить в страну достаточное количество высококвалифицированных специалистов в условиях поствоенной нестабильности будет крайне сложно.

На этом фоне в экспертной повестке почти не остаётся пространства для надежд на естественную демографическую «реабилитацию». В интервью украинским и зарубежным медиа Ли-

банова подчёркивает, что не ожидает «поствоенного бэби бума» по образцу послевоенных десятилетий XX века. Причины лежат не только в травме войны, но и в долгосрочных сдвигах: изменились репродуктивные установки, доступ к контрацепции, ожидания относительно качества жизни и образования.

Даже при полном прекращении боевых действий и благоприятных экономических условиях большинство женщин не станет ориентироваться на 3–4 детей; по оценкам демографов, реалистичным потолком можно считать возвращение суммарного коэффициента в область 1,5–1,6. Это означает, что демографическая «яма» будет преодолеваться крайне медленно, а часть потерь останется необратимой.

Демографический кризис не ограничивается регистром количественных показателей и напрямую затрагивает права человека. Прежде всего речь идёт о праве на семью и репродуктивное здоровье. Женщины и пары откладывают рождение детей из за неопределённости, прямой угрозы жизни, разрушения инфраструктуры здравоохранения и экономического стресса. Эти решения выглядят рациональными «здесь и сейчас», но перерастают в структурные последствия: по мере увеличения возраста женщины снижается вероятность благополучной беременности, возрастает риск осложнений, а хронический стресс и ухудшение доступа к медицине добавляют к этому свои факторы.

Право на семью и детство нарушается и с другой стороны — через массовую гибель родителей и распад семей. Десятки тысяч детей сталкиваются с утратой одного или обоих родителей, вынужденной миграцией, разрывом социальных связей. Для них война — это не только обстрелы и эвакуации, но и долгосрочная травма, которая скажется на способностях в будущем строить собственные семьи и воспроизводить социальные связи.

Демографическая ситуация тесно связана с социально экономическими правами. По данным UNFPA, ожидаемая продолжительность жизни в Украине заметно снизилась, а население продолжает стареть, несмотря на боевые действия.

Доля людей старшего возраста растёт, а доля экономически активных — сокращается. Это усиливает нагрузку на системы здравоохранения, пенси-

онное обеспечение, социальную защиту. В условиях, когда значительная часть бюджета и внешних ресурсов направлена на военные нужды, поддерживать высокий уровень социальных стандартов становится всё сложнее, что затрагивает право на достойный уровень жизни для самых разных групп населения.

Если перевести этот комплекс проблем в язык политического анализа, демография превращается в аргумент против стратегии затяжной войны. Дискуссия о продолжении боевых действий обычно ведётся в плоскости территорий, гарантий безопасности, международных обязательств, но статистика свидетельствует: есть объективные демографические пределы, за которыми продолжение конфликта в его нынешней форме перестаёт быть совместимым с сохранением жизнеспособности общества.

При рождаемости ниже одного ребёнка на женщину, при постоянных военных потерях и устойчивом исходе населения каждое дополнительное военное усилие означает не только очередные разрушения, но и дальнейшее сокращение будущего населения.

Вопрос, который ставят демографы и международные эксперты, звучит не только как «может ли Украина выиграть войну», но и как «что останется от её населения даже в случае формальной победы».

Это не означает, что демографический аргумент автоматически требует немедленного отказа от самообороны или односторонних уступок. Но он требует включения в стратегическое планирование ещё одного уровня анализа: насколько долго страна может позволить себе нынешний уровень мобилизации, потерь и миграции, не потеряв при этом базовую способность к воспроизводству?

Если политическая стратегия игнорирует человеческий ресурс как конечный и восполняемый только в длительной перспективе, она рискует подменить вопрос «как сохранить страну» вопросом «как сохранить территорию любой ценой».

Прекращение войны в этой оптике становится не просто благом пожеланием или моральной позицией, а необходимым условием демографической стабилизации.

Продолжение на стр. 16

РЕЛИГИЯ ПОД ВОЕННЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ: ОТ БОРЬБЫ С ВЛИЯНИЕМ РОССИИ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Военное положение на Украине радикально изменило контекст, в котором существует религия и религиозные организации. Под лозунгами противодействия «российскому влиянию» и «духовной гибридной агрессии» государство за несколько лет выстроило особый режим контроля над конфессиональным полем. В фокусе прежде всего — структуры, связанные или подозреваемые в связи с Русской православной церковью, но эффект этих мер выходит далеко за пределы сугубо «пророссийских» акторов. Для правозащитной оптики ключевой вопрос здесь не в том, есть ли у государства основания ограничивать влияние религиозных институтов, работающих в интересах государства агрессора, а в том, как далеко эти ограничения заходят и не превращается ли борьба с влиянием РФ в системное сужение свободы вероисповедания.

Кульминацией этой политики стало принятие Верховной радой в августе 2024 года закона, запрещающего деятельность религиозных организаций, «связанных с Российской Федерацией». Президент подписал его в символический день — 24 августа, в годовщину независимости Украины. Закон даёт религиозным структурам, которые попадают под критерий «аффилированности», девятимесячный срок на разрыв связей с «государством агрессором»; в противном случае им грозит судебный запрет деятельности и фактическая ликвидация. Де юре текст не называет Украинскую православную церковь (УПЦ) напрямую, но де факто именно она становится основной це-

лью, учитывая исторические связи с Москвой. Украинские власти обосновывают эти шаги необходимостью ликвидировать каналы влияния Кремля в религиозной сфере. Официальная риторика опирается на тезис о том, что часть духовенства УПЦ поддерживала агрессию, сотрудничала с оккупационными администрациями, легитимировала войну как «священную»; указывается и на позицию патриарха Кирилла, благословившего российские войска. В этом смысле закон вписывается в общий контекст военного положения, где вопрос безопасности рассматривается максимально широко.

Однако перспективы самих религиозных общин и верующих выглядят иначе. Представители УПЦ заявляют об «грубом нарушении религиозной свободы», указывая, что церковь в 2022 году провозгласила самостоятельность от Московского патриархата и не признаёт над собой его юрисдикции. Юристы, представляющие УПЦ, называют закон «гротескным» с точки зрения свободы совести: по их мнению, он фактически вводит коллективную ответственность и исходит не из конкретных доказанных нарушений, а из предположения об «идеологической близости». Эта напряжённость между логикой безопасности и логикой прав человека и задаёт поле конфликта.

Отдельный, показательный кейс — история православного публициста Дмитрия Скворцова. Киевский журналист, много лет писавший о церковной тематике и выступавший в поддержку «канонического православия» и единства с Русской церковью, был задержан

СБУ в феврале 2023 года. Ему предъявили обвинение в государственной измене по статье 111 УК Украины за «информационно подрывную деятельность» и публикации, которые, по версии следствия, ещё до 2022 года «способствовали подрыву национальной безопасности, разжиганию вражды и распространению российской пропаганды».

По данным украинских и зарубежных источников, Скворцова задержали на территории одного из монастырей УПЦ в Киеве, где он скрывался после объявления в розыск. Обвинительное заключение утверждает, что он отрицал существование украинской нации как самостоятельного этноса, оправдывал российскую политику и дискриминацию православных, а его тексты использовались российскими медиа как элемент пропагандистской кампании. При этом правозащитные и церковные источники обращают внимание на то, что основаниями для преследования стали в том числе его публикации о преследовании УПЦ: он критиковал переходы приходов в ПЦУ, говорил о дискриминации верующих и защищал идею церковного единства.

По информации, озвученной на площадке ООН и в заявлениях религиозных организаций, Скворцов провёл под стражей около 23 месяцев, ожидая суда, и лишь в октябре 2024 года получил возможность выйти под залог; при этом уголовное преследование продолжается, и ему по-прежнему грозит до 15 лет лишения свободы.

Продолжение. Начало на стр.12

В заявлениях ряда правозащитных и церковных акторов его называют «политическим заключённым», указывая на несоразмерность наказания и размытость границ между реальной угрозой безопасности и преследованием за взгляды и религиозно окрашенную публицистику.

Этот кейс наглядно демонстрирует, как борьба с «пророссийской пропагандой» и «духовными агентами влияния» переплетается с ограничением свободы вероисповедания и выражения мнений. С точки зрения украинских властей, Скворцов — фигура, сознательно работавшая на подрыв государственности и оправдание агрессии. С точки зрения части религиозного и правозащитного сообщества, это журналист, наказанный за то, что он критиковал церковную политику Киева и занимал позицию, совпадающую с линией РПЦ. Проблема в том, что в условиях военного положения граница между этими интерпретациями проходит не через независимый суд с высоким стандартом доказательств, а через политически нагруженное поле безопасности.

Широкий контекст подтверждает, что Скворцов — не единичное исключение. В отчётах мониторинговой миссии ООН по правам человека и в докладах международных организаций фиксируются случаи давления на духовенство и общины УПЦ: обыски в монастырях, уголовные дела против священников, выселения религиозных общин из храмов и лавр, ограничения

доступа духовенства к учреждениям (армия, пенитенциарная система, больницы) под предлогом «связей с государством-агрессором». В ряде случаев клирикам вменяют сотрудничество с оккупационными администрациями, передачу информации, поддержку агрессии — и эти обвинения требуют серьёзной и тщательной проверки. Но одновременно фиксируются случаи, когда под общий подозрительный зонтик попадают общины и священники, чья «вина» сводится к принадлежности к УПЦ и публичной критике церковной политики государства.

Для правозащитного анализа ключевой вопрос здесь — соблюдаются ли базовые критерии необходимости и пропорциональности. Международные стандарты допускают ограничение религиозных свобод, если религиозная деятельность напрямую используется для оправдания насилия, участия в вооружённой агрессии, подрывных действий. Но введение широких запретов на уровне всей конфессии или автоматическое отнесение к «угрозам» всех верующих той или иной юрисдикции выходит за рамки точечного реагирования и начинает напоминать дискриминацию по признаку принадлежности. Именно на это обращают внимание представители УПЦ и часть международных комментаторов, говоря о том, что закон о «российских религиозных организациях» и практика его применения могут стать «грубым нарушением свободы совести».

Режим военного положения, в который встроены эти меры, создаёт

дополнительные риски. Во первых, он ослабляет систему сдержек и противовесов: парламентская и судебная ветви власти объективно находятся под давлением логики безопасности, и их способность оспаривать решения силовых структур и исполнительной власти снижается. Во вторых, общественная дискуссия поляризуется, и те, кто выступает против жёстких мер в отношении УПЦ или критически оценивает кейсы, подобные делу Скворцова, легко маркируются как «пророссийские» или «непатриотичные». Это сужает пространство для артикуляции альтернативных позиций и делает ещё менее вероятным взвешенный, а не мобилизационный подход к проблеме.

Наконец, важно учитывать долгосрочные последствия для самого религиозного поля и социального доверия. Насильственные запреты и уголовные преследования, основанные на широкой трактовке «аффилированности» с РФ, могут привести к тому, что часть верующих уйдёт в подполье или начнёт воспринимать государство как врага, а не как гаранта права на свободу вероисповедания.

В условиях поствоенного восстановления, когда религиозные общины могли бы играть важную роль в социальной реабилитации, примирении и работе с травмами, накопленный опыт преследований и неравного обращения, напротив, будет работать на усиление расколов и недоверия.

Правозащитный вывод здесь не сводится к отрицанию угрозы российского влияния через религиозные структуры. Он в другом: борьба с этим влиянием должна опираться на индивидуализированную ответственность, прозрачные процедуры и высокий стандарт доказательств, а не на коллективные наказания и политически мотивированные дела.

Кейс Дмитрия Скворцова, закон о «российских религиозных организациях», многочисленные эпизоды давления на УПЦ показывают, насколько тонка граница между легитимной защитой безопасности и нарушением свободы совести. Если военное положение превращает эту свободу в условную привилегию «лояльных» конфессий, то речь идёт уже не просто о церковной политике, а о структурном сужении гражданского пространства, последствия которого Украина будет ощущать ещё долго после окончания войны.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ С ДЛИННОЙ ПАМЯТЬЮ: НА УКРАИНЕ ДОСТРАИВАЮТ «ЕДИНУЮ» СТРАНУ ЧЕРЕЗ ЗАЧИСТКУ ОППОНЕНТОВ

С 2014 года украинская политика живёт в режиме непрерывной «чрезвычайщины». Сначала – Майдан и смена власти, затем – Донбасс и Крым, потом – война. Формально всё это разные этапы, но их объединяет одна линия: по мере того как укреплялся новый режим, политическое поле стягивалось, как затянутая петля. Круг «допустимых» мнений с каждым годом становился уже, а несогласные превращались либо в эмигрантов, либо в обвиняемых по «политическим» статьям.

В начале этот процесс пытались маскировать под «очищение» от коррупционеров и пособников старой власти. Расследования против Януковича и его окружения, дела против региональных элит, причастных к разгону Майдана, медийные кампании против «партии войны» и «партии капитуляции» – всё это подавалось как неизбежный этап построения «новой Украины». Но постепенно к мишеням добавились не только бывшие чиновники и силовики, но и те, кто позволял себе сомневаться в правильности курса – будь то в отношении внутренней политики, языка, религии или войны.

Дальше – больше. Запрет «про-российских» партий, зачистка телеканалов, вытеснение оппозиционных голосов из крупных медиа, давление на православные структуры, не вписывающиеся в новую идеологию, – мозаика складывалась в понятную картину. На выходе требовалась «единая» Украина: националистический рамочный дискурс, жёсткая мобилизация, отсутствие «лишних» вопросов.

Военное положение после 2022 года стало идеальным удобением для этого процесса. Чрезвычайный режим, мобилизация, риторика «осаждённой крепости» дали власти всё, что нужно, чтобы переводить политические и мировоззренческие конфликты в уголовную плоскость. В ход пошли статьи о государственной измене, коллаборационизме, оправдании агрессии, посягательстве на территориальную целостность. Часть дел действительно касалась прямого сотрудничества с противником. Но чем дальше, тем чаще эти статьи стали применяться к тем, кто просто мыслит иначе, чем

предписывает официальный нарратив.

Именно на этом фоне случай с Евгением Зубчевским в Запорожье выглядит не «ошибкой системы», а логичным продолжением уже сложившейся практики.

Братья Зубчевские – люди с биографией, неудобной для нынешнего Киева. В 2014 году Александр и Евгений были среди тех, кого в патриотических медиа презрительно называли «запорожскими спартанцами» – организованных противников Майдана, которые в Запорожье сопротивлялись новой власти и открыто называли произошедшее государственным переворотом.

Александр Зубчевский как народный депутат голосовал в Верховной раде за пакет январских законов, направленных против радикальных форм протеста. После победы Майдана против него возбудили дело, он уехал из страны, и в публичной картинке оказался «ещё одним сбежавшим из бывшего режима».

Евгений остался. Работал, растил детей, жил в той самой стране, против курса которой выступал в 2014 м. Формально – ничем особо не выделялся. И вдруг, спустя двенадцать лет, его задерживает СБУ. Обвинения выглядят как калька с десятков тысяч других дел: «приверженность к русскому миру», «информационно подрывная деятельность», «оправдание российской агрессии», «призывы к изменению территориальной целостности». Всё – вокруг активности в социальных сетях, комментариев в телеграм канале и прочих легко фабрикуемых цифровых следов.

Картинка обвинения подаётся максимально густыми красками: вот он, почти идеальный враг – родственник беглого «регионала», антимайдановец, многолетний носитель «неправильных» взглядов, да ещё и нынешний «агитатор русского мира» в сети. Под эту рамку легко подгоняется любая сомнительная «экспертиза» и любой липовый аккаунт, потому что политически он уже отнесён к категории виновных.

С юридической точки зрения это типичный пример:

доказательства – скриншоты, аккаунты без внятной экспертизы и подтверждения, что автором действительно был он;

меру пресечения выбирают максимальную – арест без права залога, невзирая на статус многодетного отца; контекст – военное положение, на фоне которого любые сомнения в обоснованности обвинения подаются как «защита врага».

Но главное здесь даже не в деталях дела, а в логике, которую оно проявляет. Это не спонтанный «перегиб». Это крайняя точка длинной линии, тянущейся с 2014 го.

Линия первая: борьба с инакомыслием под маркой «борьбы с агентами Кремля». Любой, кто не принимает официальную трактовку событий – от Майдана до войны – легко оказывается в «серой зоне». Сомневаешься в правильности курса, критикуешь мобилизационную политику, говоришь о перегибах силовиков, выступаешь против запрета той или иной церкви – тебя уже можно записать в «агенты влияния», «носители русского мира». Дальше вопрос техники: найти несколько цитат, вытащить старые посты, приписать комментарий от имени аккаунта – и вот уже есть повод для уголовного дела.

Линия вторая: зачистка политических оппонентов задним числом. Многие фигуры, связанные с прежней властью или антимайданом, не были в 2014–2015 годах немедленно лишены свободы. Кто то уехал, кто то остался и надеялся «пересидеть».

Теперь, когда война поставила общество на грань выживания, а запрос на «жёсткую руку» особенно силён, к этим старым историям возвращаются. Легко поднять архивы, напомнить, кто голосовал за какие законы, кто выходил на какие площади, кто что говорил в эфире. И, прикрутив к этому нынешние «информационно подрывные» обвинения, превратить старый политический конфликт в уголовную расправу. Далее рассмотрим, как зачищалось идеологическое поле и устранялись «неправильные» взгляды.

Продолжение. Начало на стр.14

Линия третья: конструирование образа «единой националистической Украины». Чтобы картинка была цельной, в ней не должно быть ни антимайдановцев, ни «пророссийских» ортодоксов, ни радикальных пацифистов, ни просто людей, которые говорят: «нет, я так не считаю». На уровне риторики это оформляется как «консолидация общества перед лицом агрессии». На уровне практики – как последовательное вытеснение всех неудобных голосов из публичной сферы, а при необходимости – и из самой страны. Кто успел уехать – тот «самозвакуировался». Кто остался – рискует оказаться в СИЗО.

Случай Евгения Зубчевского – особенно показательный именно потому, что прошёл двенадцатилетний цикл. Это означающий сигнал: время не лечит и не закрывает конфликты. То, что ты сделал или сказал в 2014 м, может быть предъявлено тебе в 2026 м – уже под другими статьями, в другой поли-

тической упаковке, но с тем же смыслом: ты чужой, и с тобой будут разбираться тогда, когда это станет удобно.

С точки зрения правозащитной логики здесь нарушены сразу несколько принципов.

Во первых, презумпция невиновности превращается в пустую формальность. Когда человека первым делом объявляют «приверженцем русского мира» и «информационным диверсантом», когда медийная картинка заранее выстраивается так, будто приговор уже вынесен, суд превращается в оформителя заранее принятого решения.

Во вторых, принцип индивидуальной ответственности подменяется принципом «коллективной вины по признаку биографии». Евгений Зубчевский обвиняется не только в том, что якобы написал в соцсетях, но и в том, кем он был в 2014 году и чьим братом он является. Его антимайданное прошлое и родство с экс депутатом становятся негласным, но мощным аргументом в пользу того, чтобы считать

его виновным ещё до разбора доказательств.

В третьих, уничтожается горизонт доверия к правосудию. Когда люди видят, что дела по «политическим» статьям возбуждаются на основе липовых аккаунтов, неточных скринов, а меру пресечения выбирают по принципу «максимально жёстко, чтобы другим неповадно», они перестают верить, что суд в принципе способен быть независимым арбитром. А без этой веры любое государство рано или поздно скатывается в режим, где право – лишь декор для произвола.

Если смотреть шире, Украина оказывается в классической ловушке «осаждённой демократии». С одной стороны, есть реальная война, внешняя агрессия, разрушения, гибель людей. В таких условиях власть легко оправдывает любые ограничения прав «необходимостью защиты». С другой – внутренняя политическая борьба никуда не делась, а лишь стала менее заметной. И вместо того, чтобы работать с расколами через политику, диалог, реформы, режим предпочитает более простой путь – криминализировать несогласных.

Цена этого пути становится всё более очевидной. Страна, где десятки тысяч людей опасаются высказывать своё мнение, где за пост в сети можно оказаться в СИЗО, где прошлые политические позиции преследуются с отложенным двенадцатилетним сроком, – это не «сплочённая демократическая нация», а общество, загнанное в угол страхом. Внешний враг в такой конструкции нужен не только как реальная угроза, но и как удобный аргумент, чтобы постоянно держать внутреннего оппонента в статусе почти преступника.

Именно поэтому разговор о политических репрессиях на Украине – это не «игра на руку кому то», а необходимое условие честного анализа того, что происходит. Истории вроде дела Евгения Зубчевского показывают: репрессивная машина не останавливается и не забывает, она лишь ждёт удобного момента. Вопрос в том, сколько ещё таких «моментов» переживёт украинское общество, прежде чем поймёт: безопасность, построенная на тотальной зачистке инакомыслия, оборачивается не силой, а слабостью, потому что лишает страну самого важного ресурса – людей, способных думать, спорить и не соглашаться.

СЛУЖБА
БЕЗПЕКИ
УКРАЇНИ

Продолжение. Начало на стр. 10,11

Без снижения уровня насилия, возвращения хотя бы части беженцев, восстановления инфраструктуры здравоохранения и образования любые семейные и социальные программы будут работать в полсилы. Люди не склонны рожать детей в условиях постоянных тревог и разрушений, планировать жизнь на десятилетия вперёд, когда не очевидно, что будет через месяц.

Именно поэтому понятие «страна вдов и сирот» — не только сильный медийный образ, но и аналитический диагноз. Оно описывает общество, в котором война бьёт прежде всего по тем, кто должен был обеспечивать воспроизводство — людям среднего возраста, семьям с детьми, женщинам репродуктивного возраста. Через одно два поколения это может обернуться тем, что Украина останется с относительно небольшим, стареющим населением, распределённым по большой территории с разрушенной инфраструктурой и высокой нагрузкой на системы социальной защиты.

Демографическая перспектива не подсказывает готовых формул мира и не отменяет сложность переговоров. Но она задаёт жёсткий горизонт: время войны измеряется не только в днях и километрах фронта, но и в нерождённых детях, не образованных семьях, утраченных поколениях. И чем дольше страна остаётся в режиме тотальной мобилизации, тем меньше у неё остаётся человеческих ресурсов, чтобы жить после войны, а не только завершить её формально. Именно поэтому демографический аргумент в пользу прекращения войны звучит всё настойчивее — как голос не только экспертов, но и самой статистики, которая

фиксирует предел, за которым спор о победе и поражении теряет смысл, потому что субъект, ведший этот спор, стремительно исчезает.

Завершая этот разговор о цифрах, показательно, что сами демографы всё чаще выходят из сугубо академической роли и говорят языком предостережений. Элла Либанова и другие специалисты подчёркивают: речь идёт не просто о «неблагоприятной динамике», которую можно поправить несколькими реформами, а о риске структурного вымирания — ситуации, когда даже при окончании войны и проведении активной семейной и миграционной политики население уже не сможет вернуться к прежним параметрам ни по численности, ни по возрастной структуре.

В этом смысле демография выступает своеобразным «трезвым зеркалом», не зависящим от политических лозунгов: можно сколько угодно говорить о будущем процветании и развитии, но без людей, способных это развитие обеспечивать, эти обещания

останутся пустым звуком.

С практической точки зрения это означает, что любая стратегия послевоенного восстановления должна исходить не только из потребностей экономики и инфраструктуры, но и из состояния демографического поля. Нужны не только программы реконструкции и инвестиции, но и долгосрочные меры по поддержке семей с детьми, адаптации вернувшихся мигрантов, реабилитации ветеранов, психосоциальной помощи детям и взрослым.

Однако решающим условием для того, чтобы эти меры вообще имели шанс сработать, остаётся одно: прекращение боевых действий и стабилизация базовой безопасности. Пока этого не происходит, война продолжает «съедать» человеческий ресурс быстрее, чем любые, даже самые продуманные политики успевают его восстанавливать.

В конечном счёте демографический аргумент в пользу завершения войны — это не альтернатива дискуссии о суверенитете, безопасности или международных гарантиях, а её необходимое дополнение. Он напоминает, что за картами фронтов и дипломатическими формулами стоит простой вопрос: сколько людей останется, чтобы жить в стране, чьи границы и статус сегодня защищают?

Если ответ на него будет всё более тревожным, политическая повестка, игнорирующая демографии, рискует обернуться победой на бумаге и поражением в реальности, когда у «страны вдов и сирот» уже не хватит сил и людей, чтобы стать страной будущего, а не хроникой утраченных возможностей.

